

Крымков наш О ВОЗВРАЩЕНИИ «АССЫ»

Станислав Ф. Росточкин

В ПОВТОРНЫЙ ПРОКАТ ВЫШЛА «АССА» СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА, КУЛЬТОВЫЙ ФИЛЬМ О ПРОТИВОСТОЯНИИ МАЛЬЧИКА БАНАНАНА (СЕРГЕЙ БУГАЕВ «АФРИКА»), КУДРЯВОГО НОНКОНФОРМИСТА, ОЛИЦЕТВОРЯВШЕГО СОБОЙ ВСЕ НОВОЕ И ХОРОШЕЕ, С АНДРЕЕМ ВАЛЕНТИНОВИЧЕМ КРЫМОВЫМ (СТАНИСЛАВ ГОВОРУХИН), РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫМ СИМВОЛОМ МЕРЗОСТЕЙ НАСТУПАЮЩЕГО ВРЕМЕНИ. ПРЕМЬЕРА «АССЫ» В ДК МЭЛЗ В 1987 ГОДУ СТАЛА КУЛЬМИНАЦИОННЫМ КУЛЬТУРНЫМ СОБЫТИЕМ ПЕРЕСТРОЙКИ, А МУЗЫКА «АКВАРИУМА» И ФИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ВИКТОРА ЦОЯ «ПЕРЕМЕН» ОБЕСПЕЧИЛИ ЕМУ МЕСТО В ВЕЧНОСТИ И ИСТОРИИ СТРАНЫ, НО ЕГО СОБСТВЕННО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ДОСТОИНСТВА ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ОСТАВАЛИСЬ В ТЕНИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ.

«И ВОТ по прошествии 17 месяцев и семи дней ковчег остановился на высочайшей из гор араратских. И после того как третий голубь вернулся с оливковой веточкой в клюве, Ной распахнул двери ковчега, ступил ногою своею на траву, распростер руки к солнцу и громогласно произнес: „АССА!“ Это и было единственное донесенное до нас из тех допотопных времен слово, а вместе с ним передалась кому-то из нас их сила и чистота».

Со времен собственно «Ассы» до нас дошло, пожалуй, чуть больше одного-единственного допотопного слова: и «коммунической тьюб», и «мое поведение недостойно офицера», и «вы будете говорить по телефону? нет, по граммофону!», и «шоб кабину не качат»... продолжать можно бесконечно, практически без купюр — а можно и с купюрами: «Хотите, я отдам вам рубль?»

Пересматривать «Ассу» сейчас, спустя 30 лет после ставшей легендой премьеры в ДК МЭЛЗ, имеет смысл не только с ностальгических позиций. Тем более что за шесть канувших в Лету пятилеток подросло и сформировалось поколение — а то и не одно, неспособное воспринимать «Ассу» как часть собственной биографии. На свете существует немало количество не только обыкновенных киноманов, но даже и критиков, посмотревших «Ассу» сильно позже «Зеленого слоника» Светланы Басковой или даже не смотревших ее вовсе. В угоду новому времени так и тянет «Ассу» несколько подкорректировать, чтобы подрастающему поколению, как принято выражаться с недавних пор, «зашло». Взять, например, сцену, когда Алика (Татьяна Друбич) приходит в гости к Бананану и осматривает его комнату (Сергей Соловьев вспоминал, что вся обстановка бананановской резиденции была — «так же, как, скажем, перевозили в блокаду ценности из Эрмитажа» — по описи упакована и перевезена в Ялту из Ленинграда, где в то время Африка вместе с Тимуром Новиковым обитал в сквоте аккурат напротив Большого дома). «Это кто?» — спрашивает Алика, указывая на памятку фотографию

некоего ничуть не менее помятого лобастого господина. «Это Ник Кейв, певец мой любимейший...» — отвечает Бананан (страшно представить, сколько людей услышало это имя с экрана впервые). И через секундную паузу, с юморком, риторически: «А это Юрий Алексеевич Гагарин, первый человек в космосе!» Весной 2019-го в пору менять персоналии местами: кто такой Ник Кейв, молодежь знает неплохо (как минимум от родителей), а вот с первым человеком в космосе могут возникнуть проблемы. Так или иначе возвращение к «Ассе» наводит на интересные и продуктивные размышления. Политическим итогом прошедших лет стало то, что не просто главным, но и даже, наверное, единственным героем фильма окончательно и

бесповоротно стал Андрей Валентинович Крымков. Тонкий ценитель «Евгения Онегина», Натана Эйдельмана, Джо Дассена и по-настоящему смешных анекдотов («И давно это у вас? — Что? — Ну, провалы в памяти. — Какие провалы?»); изобретатель игры «Бангладеш»; пловец экстра-класса и адепт душа Шарко; наконец, истинный денди, которому одинаково к лицу и щегольская шляпа, и спортивная майка с номером 9 на спине (причем иногда одновременно), презирающий пижаму как признак старости. Неудивительно, что Крымкову «не понравилась песня» Бананана: кто-кто, а вот уж Андрей Валентинович ни с какой стороны на старика Козлодоева (впрочем, как и на лирического героя «Мочалкин-блюза») не похож.